

EUPHEMISM AS A KIND OF TRITE PHRASE IN THE TEXTS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA

Abstract: The article considers the peculiarities of using euphemisms in the texts of modern mass media, which are devoted to social themes, such as disability, agism and other. The main attention is paid to the cases of the transformation of the euphemism into a trite phrase and the consequences of this process.

Author information:

Iuliia Iakovleva
lecturer, PhD
Russian State University for the Humanities
✉ yak112@inbox.ru
📍 Russia

Keywords:

euphemism, trite phrase, media language, tolerance

Рассматривая слово в качестве эффективного средства воздействия на сознание отдельного человека или социума, невозможно не обратить внимания на такое средство этого воздействия, как эвфемизмы.

В XX в. проблема эвфемизации мало изучалась в СССР, поскольку в отечественной лингвистике господствовала идея, что использование эвфемизмов не характерно для социалистического общества. Интерес к данной тематике возник лишь в последнее десятилетие прошлого века и существует по сей день. Наиболее масштабными исследованиями проблемы эвфемии являются работы А. М. Кацева, Л. П. Крысина, В. П. Москвина, Е. П. Сеничкиной.

Большинство исследователей (Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина, Д. Н. Шмелев и др.) определяет эвфемизмы как слова и выражения, которые служат для замены обозначений, представляющих говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими. Эвфемизмы используют при обсуждении тем, способных оскорбить, смутить собеседника или заставить его испытывать какие-либо иные отрицательные эмоции. Это в высокой степени справедливо для текстов СМИ, воздействующая функция которых является определяющей, а одним из основных принципов в настоящий период признан принцип толерантности, ставший регулятором как межличностных, так и социальных отношений [«Декларация принципов толерантности», утвержденная резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г., <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>]. Толерантность, по мнению Т. А. Воронцовой, Л. В. Ениной и других авторов, представляет собой один из типов конструктивного речевого поведения, наряду с вежливостью, и противопоставляется деструктивному речевому взаимодействию, заключающемуся в проявлении речевой агрессии. Толерантность реализуется, среди прочего, снижением категоричности высказывания, вуалированием смысла, в том числе с помощью эвфемизмов [14, с. 12].

При этом частое повторение одного и того же эвфемизма в медиатексте приводит к превращению его в штамп, стилистически окрашенное средство языка, которое осознается говорящими как «готовая», устойчивая и часто употребляющаяся формула [9, с. 399]. Данную тенденцию нельзя признать положительной, солидаризируясь с мнением Т. Г. Винокур, считавшей, что «штамп выступает как сигнал стилистической дефективности там, где речь имеет иные экспрессивные задачи» [9, с. 399].

Данная статья посвящена особенностям использования эвфемизмов в текстах современных средств массовой информации на материале журнала «Работница», газеты «Русский инвалид», онлайн-издания «Wonderzine», газет «МК», «Комсомольская правда», «Российская газета». Выбор источников обусловлен наличием в данных изданиях материалов

социальной направленности, а также массовым распространением, в том числе в Интернете. Особое внимание уделяется последствиям превращения эвфемизма в речевой штамп.

В настоящее время в российских СМИ открыто обсуждаются проблемы людей с инвалидностью. При этом сами слова «инвалид», «инвалидность» нередко подвергаются эвфемистической замене. Если для взрослых людей, как правило, используется практически нейтральное словосочетание *с ограниченными возможностями*, для детей найден более «эмоциональный» эвфемизм *особый/особенный ребенок*. Поскольку детская инвалидность воспринимается общественным сознанием более трагично, чем взрослая, можно предположить, что именно по этой причине для ее обозначения выбираются слова, имеющие положительные коннотации (слова *особый, особенный* обычно ассоциируются с необыкновенностью, независимостью, важностью и т.п.: ср. *особые права, особое мнение, нечто особенное*). Они способны в какой-то мере нивелировать сильные негативные эмоции, которые вызывает сочетание *ребенок-инвалид*.

Но сохраняется ли данный эффект при слишком частом использовании эвфемизмов? Так, в статье «О чем пишут приёмные дети» («Работница», №12, 2017), посвященной семьям, взявшим на воспитание ребенка с инвалидностью, в небольшом (2 тыс. знаков) тексте слова *особый/особенный* в различных комбинациях (*особенные/особые дети/ребенок, дети с особыми потребностями, с особенностями развития*) употребляется пять раз. Еще четыре раза используется аббревиатура *ОВЗ* <ограниченные возможности здоровья>, которая в данном тексте не расшифровывается, то есть воспринимается автором как общеизвестная и употребляется в качестве штампа. Соглашаясь с мнением Е. П. Сеничкиной о том, что аббревиация ведет к редукции семантических признаков заменяющей языковой единицы [11, с. 16–17], и учитывая, что словосочетание, которое подверглось аббревиации, само по себе представляет эвфемизм, приходим к выводу, что в данном случае мы имеем дело со своего рода «эвфемизмом в квадрате».

Значительное количество эвфемизмов, используемых автором публикации, контрастирует со словами одной из героинь статьи, прямо называющей себя инвалидом: «У меня ДЦП, и я лежала в больницах, общалась с другими *детьми-инвалидами*». При этом настойчивое желание журналиста использовать размытую номинацию представляется неоправданной осторожностью в выборе языковых средств.

Слово *особый* получило настолько прочную связь с понятием *инвалидность*, что перешло и во взрослый мир, появляясь даже в специализированных изданиях. Например, в газете «Русский инвалид» (№1–2, 2017) в статье «Жизнь прекрасна! Даже в коляске» соревнование «Мисс Независимость–2016» названо конкурсом красоты *для особых женщин*, а участницы конкурса «Мисс Независимость–2017» (статья «Прекрасные и независимые успешно идут по жизни», №11–12, 2017) упоминаются как *“особые” девушки*. Во втором случае слово *особые* заключено в кавычки. По-видимому, уязвимость данного средства номинации ощущается самим автором текста.

Слово *особенность* настолько закрепилось в языке СМИ как эвфемистический синоним слова *недостаток*, что может использоваться не только в связи с темой инвалидности, но и в других случаях. «Я осознала, что *возрастные особенности* надо не скрывать, а “обыгрывать”», – пишет автор статьи «Стоит ли скрывать свой возраст?» («Работница», №5, 2017).

Старение является еще одной темой, обсуждение которой требует использования эвфемизмов. Таковыми становятся слова *взросление, взрослость, взрослый*. Наряду с привычной оппозицией *ребенок–взрослый* появилось противопоставление *молодой–взрослый*. Рассуждая о попытках визуального уменьшения возраста, автор предыдущей публикации смягчает выражение: «Ближе к *40 годам* оно <время> напоминает нам о своем ходе... отражением в зеркалах. Мы поворачиваемся немного боком, втягиваем животы, скидываем на *повзрослевшие* лица пряди волос». Для обозначения вхождения в период старения тот же автор употребляет выражение *бальзаковский возраст*, и, видимо, ощущая его условность, заключает данный распространенный эвфемистический фразеологизм в кавычки: «Когда я вступила в *«бальзаковский возраст»*, то обнаружила, что ценой относительно небольших усилий я могу выглядеть минимум на пять лет моложе».

«Я же *взрослый* разумный человек, – говорит в интервью «Wonderzine» (02.06.2017) Татьяна Неклюдова, *61-летняя* модель агентства «Oldushka», работающего с моделями от 60 до 80 лет, названными в публикации *возрастными* (еще одна замена слов *пожилой, старый*). По мнению дизайнеров Марины и Ирины Голомаздиных, которые «решили снять новую коллекцию на женщинах *элегантного возраста*» (распространенный фразеологизм-эвфемизм), деятельность

62-летней модели агентства «Oldushka» Валентины Ясень представляет собой «пример того, как нужно достойно и легко *встретить зрелость*». Согласно периодизации возрастных этапов, человеческая зрелость начинается в 25–30 лет, а к 60 годам этот период заканчивается [10, с. 394–395; 15, с. 130]. Слово *зрелость* в данной журнальной статье (03.10.2017) является эвфемизмом понятия *пожилой возраст, старение*. Подобные принципы номинации не вполне совпадают с принципами борющейся с эйджизмом организации «Oldushka», создатели которой позиционируют свое детище как «агентство, переосмысляющее старение и расширяющее традиционные представления о пожилом возрасте».

Слово *активный* имеет два словарных значения: 1. деятельный, энергичный; 2. развивающийся, усиленно действующий [8, с. 21]. В текстах СМИ слово *активный* в сочетании со словом *возраст* может иметь прямо противоположные значения: 1. пожилой возраст (например, проект Первого канала «Активный возраст», был посвящен людям, вышедшим на пенсию, но не утратившим интереса к жизни); 2. молодой возраст. Понятие *молодость* не имеет отрицательного смысла и потому не нуждается в эвфемизации. Однако оно способно вызвать негативные чувства у людей, уже вышедших из данной возрастной категории. Очевидно, этим объясняются попытки некоторых авторов все же найти заменяющее слово, приводящие порой к зевгматическим конструкциям, например: «Фитнесом занимаются люди самого *активного* возраста (18–40 лет), а также *среднего* возраста (40–60 лет)» («Работница», №12, 2016).

Универсальность употребления слова *активный* в качестве эвфемизма может приводить к семантической неоднозначности. Например, в статье «Как восточный макияж разрушает стереотипы о мусульманках» («Wonderzine» 14.04. 2015) говорится, что «Шейха <жена эмира Катара>, очевидно, не обходит стороной *активные методы сохранения молодости*». Только контекст позволяет понять, что речь идет не о занятиях фитнесом, а об обращении к услугам пластических хирургов.

Понятие *девушка* (1. лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности; 2. лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак [8, с. 156]) в отличие от понятия *женщина* (1. Та, которая рождает детей и кормит их грудью; 2. лицо, вступившее в брачные отношения [8, с. 192]) традиционно связывается с молодостью и отсутствием семейных уз. Очевидно, именно поэтому оно воспринимается как более вежливое и позитивное при упоминании о любой особе женского пола. Данная номинация получила широкое распространение как при бытовом общении, так и в текстах СМИ. При этом оно может находиться в близком соседстве с «анкетными данными» героини текста, например, упоминанием о наличии мужа и детей («Работу любила, но была уволена. И кем?.. *Супругом!* ... Но не на ту напал: в тот же день *девушка* пошла искать новое место» («Комсомольская правда», 25.01.2018); «...В ходе семейной ссоры *муж* отвез 25-летнюю *девушку* в лес и пытался отрубить топором кисти рук... У Риты *двое* маленьких *детей*... *Девушке* предстоит еще несколько операций» («МК», 14.12.2017); или указанием на зрелый возраст («В Московской области при странных обстоятельствах скончалась *37-летняя* местная жительница Ирина Москвитина... По одной из версий, *девушку* могли держать на цепи» («Российская газета», 30.01.2018)). Авторы медиатекстов (как правило, в массовых и интернет-изданиях) используют и явный оксюморон *беременная девушка*. Данное словосочетание особенно часто встречается в заголовках заметок в «МК в регионах»: «Саратовские спасатели помогли беременной девушке снять кольцо с пальца» (15.01.2018), «В Омске беременная девушка выпала со второго этажа роддома» (12.01.2018), «В Уфе благополучно родила девушка, ввапшая в кому» (24.01.2018) и др.

Поддерживает данную тенденцию и журнал «Winderzine» (26.10.2017), когда в рассказе о дизайнера Мартин Роуз, «находящейся на *внушительном сроке беременности*», сообщает читателям, что «*девушка* убедительно демонстрирует то, насколько комфортно она чувствует себя в *своём положении* в гиперсайз-вещах собственной марки». Героинями следующего эпизода становятся «*беременная* Ирина Шейк..., Ким Кардашьян и Крисси Тейген с их максимально сексуализированной, на грани вульгарности, подачей собственной *беременности*». «Вполне очевидно, что эти *девушки* успешно и уверенно чувствуют себя в статусе проводников этой концепции», – делает вывод автор публикации.

Конечно, понятие *женщина* не имеет выраженного негативного смысла. Однако это не исключает возможности и стремления его улучшить. Лексема *девушка* удовлетворяет условию, сформулированному А. М. Кацевым для превращения слова в эвфемизм: «...Новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [3, с. 5]. При этом, поставленное в несоответствующий контекст, оно способно вызвать нежелательный комический эффект.

Итак, наряду с агрессивностью и вульгаризацией языка средств массовой информации – явлением, отмечаемым В. Г. Костомаровым, А. П. Сквородниковым, Г. Я. Солгаником и другими исследователями, в последние десятилетия обнаруживается и противоположная тенденция развития медиаречи – использование многочисленных эвфемизмов, особенно в текстах социальной тематики, что является результатом стремления поддерживать этические принципы речевого общения, такие как доброжелательность, вежливость, толерантность.

Однако при слишком частом употреблении одних и тех же замещающих единиц в идентичных ситуациях возникает вероятность превращения эвфемизмов в штампы, теряющие способность к воздействию и потому требующие скорейшей замены. Солидаризируясь с мнением исследователей, считающих, что «существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений» [7, с. 17], можно сделать вывод о том, что постоянное использование эвфемизмов-штампов способно вызвать у читателей реакцию, обратную той, на которую рассчитывают авторы текстов. Еще одна опасность постоянной эвфемизации медиатекстов заключается в не всегда оправданном и корректном употреблении эвфемизмов, ведущем к затемнению, искажению смысла фразы, неожиданным и нежелательным эффектам. Все это должно еще раз напомнить журналистам о необходимости более внимательного отношения к отбору языковых средств.

References:

1. Voroncova T. A. (2012) *Rechevaya agressiya, tolerantnost, vezhlivost* // *Yazyk SMI i politika*. Moskva, S. 569–611
2. Enina L. V. (2002) *Rechevaya agressiya i rechevaya tolerantnost v sredstvakh massovoj informacii* // *Rossijskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost i multikulturalizm kak orientiry professionalnogo povedeniya*. Moskva, S. 104–110
3. Kacev A. M. (1988) *Yazykovoe tabu i ehvfemiya*. Leningrad
4. Kostomarov V. G. (1999) *Yazykovoј vkus ehpoli. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media*. Sankt-Peterburg,
5. Krysin L. P. (2004) *Evfemizmy v sovremennoj russkoј rechi* // *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike*. Moskva,
6. Moskvин V. P. (1999) *Evfemizmy v leksicheskoj sisteme sovremennogo russkogo yazyka*. Volgograd,
7. *Novye tendencii v russkom yazyke nachala XXI veka*. Moskva, (2016)
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2003) *Tolkovyj slovar russkogo yazyka*. Moskva.
9. *Russkij yazyk. Enciklopediya*. Moskva, (1979)
10. Sapogova E. E. (2005) *Psihologiya razvitiya cheloveka*. Moskva
11. Senichkina E. P. (2006) *Evfemizmy russkogo yazyka*. Moskva
12. Skovorodnikov A. P. (2004) *Refleksy postmodernistskoј stilistiki v yazyke rossijskih gazet* // *Russkaya rech*. №6. S. 68–76.
13. Solganik G. Ya. (2012) *Yazyk politiki, yazyk SMI (gazety) i literaturnyj yazyk* // *Yazyk SMI i politika*. Moskva, S. 245–261.
14. *Tolerantnost kak kulturnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa)*. Nizhnij Novgorod, (2017)
15. Feldshtejn D. I. (1999) *Psihologiya vzrosleniya*. Moskva